

М. В. Михайлова
(Санкт-Петербург)

**Словарь и образ жизни:
о двух программах радио «Град Петров»**

И предал я сердце мое тому, чтобы исследовать
и испытать мудростью все, что делается под
небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам
человеческим, чтобы они упражнялись в нем.

Экклезиаст 1.13

Слово «философ» в повседневном обиходе обозначает или странного чудака, склонного к необоснованной, с точки зрения практичных вменяемых людей, задумчивости, или университетского преподавателя, говорящего об отвлеченных вещах на профессиональном языке, недоступном для непосвященных. Рейтинг философии потому и невысок сегодня, что общество ориентировано на быстрое достижение простых целей простыми средствами. Даже сравнительно образованные люди, окончившие высшую школу, видят в философии более или менее скучный учебный предмет, но уж никак не жизненную необходимость. В обществе потребления людям не нужно «заумное»: ведь изреченная мысль, будь то художественный текст или философское произведение, не подлежит потреблению, этим невозможно пользоваться, иметь это в своем распоряжении. Скорее наоборот — текст владеет нами, требует нашего труда, вложения времени и интеллектуальных усилий. Более того, при выполнении любой философской работы — чтения, письма, слушания, говорения — мы неизбежно обнаруживаем себя в присутствии Иного и Высшего, будем ли мы звать его Традицией, Абсолютом, Истиной, Богом. Эта ситуация требует смирения и самоотдачи, а уж никак не располагает к рассеянному приятному времяпрепровождению, которое уже не столько ценится современной цивилизацией (драгоценности редки), сколько является способом ее существования. Сегодня не хотят того, что нельзя «ни съесть, ни выпить, ни поцеловать», как говорил Гумилев. Отец Александр Шмеман в своих «Дневниках» называл это игрой на понижение: актуально понятное, доступное, среднее. «Фельбетонная эпоха», о которой иронично

и горько писал Герман Гессе в середине прошлого века, процвела сверх всяких ожиданий¹.

Понятно, что академический статус философии остается неколебимым. Понятно, что философия не нуждается в широком общественном признании, она всегда была и будет достоянием немногих. Однако понятно и то, что человек, отвергающий философию (то есть не любящий мудрость, не дающий себе труда мыслить), уязвим и беззащитен перед репрессивными механизмами мира сего. Не имея опоры в самом себе, не выстроив прочных связей с миром и Другим, он подобен дому на песке или дереву без корней: легко становится объектом всевозможных манипуляций вплоть до полного разрушения. Бывает, что кто-то рассказывает о своем горьком опыте, а я думаю: «Про это Бодрийяр написал сорок лет назад, нет бы прочесть — глядишь, и не попался бы...» Моя работа на радио Санкт-Петербургской митрополии «Град Петров» (главный редактор прот. Александр Степанов, программный директор Ольга Николаевна Суroveгина) — попытка участвовать в возвращении интереса к тяжелому и радостному занятию, которое Бог дал сынам человеческим.

1. Звучащая философия: голос человека

Я люблю человеческий голос. Одинокий человеческий голос, измученный любовью и вознесенный над гибельной землей. Голос должен высвободиться из гармонии мира и хора природы ради своей одинокой ноты.

Федерико Гарсиа Лорка

Когда я раздумывала о том, как написать о «Словаре» и «Образе жизни», параллельно занимаясь всеми остальными делами, мне пришлось готовиться к разговору о слове «луна». Конечно, я открыла Лорку. В книге мне попались эти самые

¹ Стоит отметить, что в пространство TV и глянцевого журнала философия не допущена, хотя там в редуцированной и облегченной форме присутствуют и психология, и педагогика, и естественные науки, и техника, и история, и литература, и искусствоведение, и многое другое. Столь же радикальному исключению, как философия, подверглось лишь богословие и, вероятно, по той же причине: современному человеку не показано думать, а ведь и философия, и ее госпожа только и делают, что его на это провоцируют.

слова про одинокий голос человека. Я тоже люблю человеческий голос — и поющий, и говорящий, и сокрытый в тексте, и звучащий откровенно. Люблю одинокий голос, но люблю и хор, когда много голосов строят, и беседу, когда два голоса плетут свое кружево. Человеческий голос может быть измучен любовью, мы все это знаем, но любовь может быть и радостной. Голос человека несется над землей (не случайно мы говорим «возвысить голос»), но мы можем видеть землю не только как гибельную страну скорби и испытаний, но и как живоносный дар. И наконец, я понимаю Лорку, когда он говорит об одинокой ноте человеческого голоса, которая должна обрести свободу от природы и человеческого сообщества. Он понимает традицию канте хондо, глубокого пения, родившуюся в Андалусии в глубокой древности, в патриархальные времена, когда человек еще не был отторгнут от ближнего и от природы столь радикально, как сегодня. А сейчас — где мы слышали ту гармонию мира и тот хор природы? Вместо музыки сфер — вой и скрежет. Не является ли музыкальной метафорой нашего времени одичалый оркестр, в котором каждый солист и никто никого не слышит? Не больно ли нам, не устали ли мы от мощного звукового напора автореферентных одиноких голосов? А когда им удастся собраться — не звучит ли голос масс унылым бездарным унисоном, да еще и не вполне чистым, потому что петь вместе одну ноту мы тоже разучились? Так, может быть, наша задача — обучиться *согласию*, построить гармонию, спеть свою партию так, чтобы она не испортила музыку мира?

Радио — это голос. Особенности радиоголоса очевидны. Во-первых, в отличие от телевизора, на радио голос чист, освобожден от визуальных подробностей, отвлекающих от слова. Скажу, что это очень удобно не только для слушателей, но и для самого носителя голоса. Радиоведущий может быть усталым, плохо себя чувствовать, влететь в студию прямо из-под дождя, мокрым до нитки. И никто не заметит, что ты плохо выглядишь или не так одет. Во-вторых, в отличие от книги, радиоголос живой, он принадлежит личности говорящего. Слушая голос, мы находимся в присутствии конкретно-телесного человека, тогда как, читая книгу, мы разделяем с ним его мысль. Это много, но голос передает и то, что ускользает в письме. В-третьих, в отличие от общения воо-

чию на лекции или в частной беседе, радио, получившее благодаря прямому эфиру и телефонной связи возможность строить полноценный диалог, при этом оставляет слушателю и полную свободу, сохраняет его приватность. Он может в любой момент прекратить слушание, но может и поучаствовать в беседе без особых усилий, оставаясь при этом тоже чистым голосом. Такая ситуация личного общения и свободы от внешнего, как мне кажется, весьма благоприятна для философии, которая одновременно предполагает и освобождение от лишних подробностей, и полноту человеческого присутствия.

Христианское радио, конечно, обладает своими особенностями. Будучи открытым к миру (у нас есть новости, погода, разнообразная музыка, литературные чтения, лекторий — и не только богословский, детские передачи и программы для подростков, где обсуждается широкий круг вопросов), радио «Град Петров» всегда ориентировано на Бога и человека. Большинство современных радиостанций заняты репродукцией информации и заполнением эфира музыкальной нарезкой, приветами «от Маши Саше и всем чувакам с нашего района» и легкой болтовней. Даже если в этой болтовне участвуют умные и приличные люди, все равно возникает эффект некоего стремительного скольжения по поверхности жизни: про все мне рассказали, всех слышал, все понял, да и сам прозвонился, прозвучал. Радио используется современным человеком как фон для отправления жизнедеятельности, приятное бормотание на заднем плане. «Град Петров» старается создать пространство, в котором человек может побыть в соприкосновении с некоторым смыслом, будь то лекции университетских преподавателей, классическая музыка, транслируемая целиком в исполнении хороших музыкантов, а не клочками в бодреньких аранжировках, или «Пастырский час», когда священник обращается к аудитории со своим словом, а затем отвечает на вопросы слушателей.

Мое сотрудничество с христианским радио началось пять лет назад с чтения курса лекций о Символе веры и работы над циклом «Бог и человек в мировой литературе», который еще не завершен, сейчас (в январе 2007) мы заканчиваем разговор о Данте. В прямом эфире я начала работать весной 2006, тогда появились две программы, «Словарь» и «Образ жизни», которые мною молчаливо относятся к жанру звуча-

щей, или практической, философии. Хотя передачи не заявлены прямо как философские, они воспринимаются внимательной аудиторией именно в этом качестве. Надо честно сказать, что эта форма имеет как доброжелательных сторонников, так и решительных противников. Помню, как во время разговора о терроризме с Николаем Алексеевичем Грыкаловым позвонил возмущенный мужчина: «Вот, я записал, в течение трех минут вы произнесли слова (далее последовал ряд философских терминов), а нельзя ли говорить по-человечески?» Коля ответил, что философия — это язык, и язык нелегкий, но все-таки дискурс упростил, сколько это возможно для молодого питерского интеллектуала. Когда с о. Константином Костроминим мы говорили о слове «время», другой решительный мужской голос призвал нас «не разводить тут философию, а держаться поближе к православии». Священник поблагодарил за совет и напомнил о философском образовании святых отцов, а я не удержалась от любимой цитаты из Экклезиаста (см. эпиграф).

Каждая программа выходит раз в неделю вечером² и повторяется в утреннее время. Для участия в разговоре приглашается человек, иногда — двое или трое, причем гость не обязательно философ, это может быть филолог, врач, студент, музыкант, многодетные родители, писатель, священник, историк — кто угодно. Это народный проект, не цеховой. Вовсе не обязательно, что это будет разговор единомышленников, иногда драгоценен именно тот, чей строй мысли радикально отличается от моего. Это может быть человек нецерковный, неверующий. Условие одно: гостю должна быть интересна тема встречи, иногда человек предлагает ее сам. Я последовательно уклоняюсь от всяких предварительных собеседований, не составляю план разговора, не прошу приглашенного специально готовиться к встрече. Если он этого хочет — пожалуйста, но я стараюсь обозначить формат программы именно как беседу, а не как лекцию или интервью.

Участие радиослушателей всегда возможно благодаря телефону прямого эфира. Впрочем, число звонков не являет-

² Отец Александр сказал: «У тебя будет прайм-тайм, когда все дома и спокойно ужинают под радио». — «Все, кроме некоторых», — подумала я.

ся критерием успеха передачи. Иногда мне говорят: «Я слушал, было интересно, и зачем звонить, если и так хорошо?» Тем не менее, звонки слушателей бывают иногда так кстати, так точно дополняют или развивают тему или так неожиданно и интересно поворачивают разговор в другую сторону, что без них было бы скучно. Хотя — и здесь не без казусов. Однажды, когда прот. Алексей Крылов говорил о небе, о Богородице как небе, вместившем Христа, о синеве небес и о голубом цвете облачений в богородичные праздники, позвонила пожилая дама и спросила: «Скажите, батюшка, а почему людей неправильной ориентации называют голубыми?» Священник от обсуждения темы мастерски ушел. Или однажды, когда Александр Леонидович Казин, философ, ориентированный на национальные ценности, критиковал западную философию, и психоанализ в том числе, позвонила женщина и сказала: «Большое Вам спасибо, что ругаете психоанализ, а то тут о нем недавно так хорошо говорили, прямо обидно было». Имелась в виду встреча в рамках той же программы, но несколькими неделями раньше, с замечательным философом и профессиональным психоаналитиком Ниной Михайловной Савченковой. Каким бы ни был отклик слушателя — критическим, доброжелательным, забавным, компетентным, ироническим, мудрым, — он всегда вызывает у тех, кто в студии, благодарность и интерес³.

Мы не делаем выводов в конце передачи, не даем советов и рецептов. Иногда, если, скажем, участник программы — депутат или врач, у него могут попросить конкретной помощи. Но цель не в этом. Я надеюсь, что вовлеченность в беседу продолжится затем — у некоторых, иногда — как самостоятельное размышление или как поступок, поскольку речь идет всегда о том, с чем мы встречаемся в гуще нашей жизни.

³ ВТОРОЙ: А нас кто-то слушает?

ФОМИЧ: Думаю, да.

ПЕРВЫЙ: Кто нас слушает?

ФОМИЧ: Откуда я знаю. Не может быть, чтобы нас никто не слушал. /.../

ВТОРОЙ: Фомич, а вдруг он нас — раз и того?

ПЕРВЫЙ: Выключит, что ли? (Сергей Носов. Не самое страшное. — Вещь.doc. N 14. Декабрь 2006 — январь 2007. С. 144—145.

2. «Словарь»

...Я пел со всеми вместе

И не покину общества живых —

Прямой гербовник их семейной чести,

Прямой словарь их связей корневых.

Арсений Тарковский

Если формулировать идею «Словаря», можно сказать, что это метафизика простых вещей. Это представляется актуальным в эпоху тотальной симуляции и господства симулякров. Современный человек всерьез и напряженно занят тем, о чем через месяц и не вспомнит, и пренебрегает тем, что может здесь и сейчас сделать его радостным и живым. Установка «быть деловым, конструктивным, практичным, реалистичным, конкретно мыслящим человеком» как раз и является деконструктивной и нереалистичной. Человек цивилизации живет среди искусственных предметов, неживых отношений и пустых форм, что, при стремлении к немислимому телесному совершенству, разрушает его изнутри. Он отвергает все «противоискусственное» (С. И. Коровин), но при этом ностальгирует по настоящему. «А я все чаще замечаю, что меня как будто кто-то подменил», как говорил Кот Матроскин. Экран непроницаемой стеной стоит между нами и простой тяжелой реальностью. «Телевизор мне природу заменил», по справедливому замечанию того же самодеятельного философа. Картинки и речи мчатся рой за роем, как те самые пушкинские бесы. Однажды, лет десять назад, одну мою подругу, мать двоих детей и преподавателя, поразило интервью с учителем года. Учитель-новатор, завоевавший национальную премию в области педагогики, рассказывала о том, что она строит свои уроки в форме клипа, потому что это современно, легко усваивается детьми и позволяет удерживать дисциплину за счет разнообразия материала. Боюсь, что благодаря усилиям передовой педагогики, массовой культуры и медиа-индустрии скоро не только у жертв экспериментов учителя года, но и у всех у нас будет голова в форме клипа — перегруженная и пустая.

Однако разрушение возможно до определенных оснований. Легко разрушаются смыслы, но то, что за ними стоит, не подвержено порче. Существуют так называемые простые

вещи: камень, вода, солнце, тьма, звезда. На них можно смотреть. До нас на них смотрели поколения наших предков. В этом и состоит задача «Словаря»: созерцание простых вещей, означенных словами родного языка.

Логика программы — следовать за развертыванием универсума, как оно представлено в Библии. Мы начали с книги Бытия: «В начале сотворил Бог небо и землю...» Небо, земля, свет, тьма — слова рассматриваются в том порядке, в каком они стоят в священном тексте. Словарь — образ мира, и за каждым словом стоит реальность, с которой мы уже вступали в какие-то отношения, да и прежде она была освоена и мифологически, и поэтически, и научно, и философски. Обо всем этом и ведется разговор, причем воспоминания детства уравниваются в статусе с текстами великих поэтов, а сновидения допустимы настолько же, насколько и пересказ философских концепций. В дело идет все, что пришло в голову собеседникам. Иногда люди говорят: «Но я же не специалист, как я могу говорить о птице». Это еще один морок нашего времени: все на свете передоверить специалистам. Тем не менее, мир принадлежит каждому человеку, как и дар речи. Если ты когда-то видел воробья у булочной, синицу на веточке, голубя на голове у памятника, если тебе когда-то мама рассказывала сказку про Жар-Птицу, если ты потом сам прочел, как ворон к ворону летит, — ты имеешь полное право говорить о птице, потому что у тебя есть опыт птицы — и персональный, и культурный. Ты принадлежишь этому миру, потому что он принадлежит тебе. Эта взаимная принадлежность осуществляется в языке. Если мы об этом помним и даем себе труд видеть, изумляться, радоваться, ужасаться тому, что нас окружает в повседневности, а не вихрю картинок на экране, да еще и делиться своими созерцаниями друг с другом, — мы живы и нам не страшен симулякр.

Однако, обмениваясь личным опытом, мы неизбежно оказываемся в сфере общего культурного опыта, обусловленного принадлежностью к национальному и мировому сообществу. Скажем, говоря о море, нельзя не вспомнить Гомера, Пушкина, Мандельштама (Джойс все-таки не так репрезентативен). Чувствуется связь с традицией, народом, человечеством. Становится очевидно, сколь многим мы обязаны тем, кто жил до нас, но стал частью нашей жизни, нашего видения.

Разговор не превращается в игру в ассоциации именно потому, что он основан на опыте собеседников, на обмене тем, что мы получили, проживая свою жизнь, и не приобретает форму «а вот еще был случай», потому что опыт каждого из нас оказывается укорененным в культуре. Беседа строится не в модусе знания, а в модусе созерцания. Артикулированное созерцание может вызвать отклик у другого человека. Увидеть дерево, или камень, или звезду, прикоснуться к ним если не рукой, то взглядом, мыслью, остаться в молчании наедине с одной вещью, с ее глубиной, ее красотой — не значит ли это встретиться с собственной глубиной, в покое побыть самим собой в присутствии Бога? Если мы видим вещь сквозь призму классического текста, это несколько не отменяет вышесказанного.

Бог говорит с нами через других людей и через сотворенный Им мир. Св. Василий Великий говорил, что мы получили от Господа две великие книги — письменную Библию и неписьменную книгу творения, которая рассказывает о Творце. В этом смысле «Словарь» — практическое богословие. Мы можем не только увидеть любую вещь в ее красоте и смиренной значительности, но и увидеть ее как дар в свете божественной любви. Для этого не обязательно быть религиозным человеком. Есть люди, далекие от веры и Церкви, которые обладают талантом восхищения, радости и благодарности за мир, в котором они живут. Только вот — «и хотел бы благодарить, да некого», как сказал однажды Владимир Набоков. Положение христианина тем и отличается в лучшую сторону, что ему есть Кого благодарить. С другой стороны, иногда — и даже часто, недопустимо чаще, чем могло бы быть у людей, принявших Радостную Весть, — христиане впадают в унылый псевдоаскетизм и пренебрежение к миру, который-де «во зле лежит». Мы ищем чудес и знамений в виде мироточивых икон, чудотворных мощей, благодатного огня (который, конечно же, по нашему календарю и только у нас, правильных, нисходит) и прочих замечательных явлений, которые я не хотела бы подвергать ни сомнению, ни обсуждению, но которые все-таки не могут быть сопоставлены с великим и простым чудом сотворенного Богом мира. Не зря в книге Иова Бог, когда Ему хочется поддержать веру исстрадавшегося и сомневающегося героя, не

говорит ему: «Разве ты не видел святых и праведников? А вспомни, как столп огненный и облачный шел по пустыне!» Бог говорит совсем другое: «Где бы был, когда Я полагал основания земли? А видел, как Я солнце и звезды на небе повесил? А бегемота видел? Какие у него мощные лапы! А левиафана видел, чудище морское? Как он играет, вздымая волны!» И тут же удивительно нежные вопросы о том, кто кормит молодых львов и кто знает сроки беременности ланей. С точки зрения священнописателя, именно созерцание тварного мира в его богатстве, красоте, преизбыточествующей жизненной силе может исцелить страдание и укрепить веру.

Итак, «Словарь» задуман как опыт практического устного диалогического философствования, который может через приглашение к созерцанию способствовать восстановлению прямых отношений человека с языком, миром, другим человеком, с самим собой и Богом.

3. «Образ жизни»

Если «Словарь» обращен к «очарованию простых вещей», как это называют японцы, то «Образ жизни» приглашает к разговору о социальной реальности. Одна из трудностей нашего времени состоит в том, что созданы мощные механизмы навязывания единого стандартного поведения, и эти механизмы функционируют весьма успешно. При этом приводится в действие «спираль молчания», описанная Элизабет Ноэль-Нойман⁴. В социуме дискурсивная регуляция осуществляется через посредство общественного мнения, или «духа времени». Индивид формирует свое представление об общественном мнении на основании двух источников: наблюдений за высказываниями окружающих и информации, предоставленной СМК. «Спираль молчания закручивается тогда, когда люди, не желая оказаться в изоляции, постоянно наблюдают за своим окружением, подробно регистрируя, какое мнение убывает, какое распространяется, усиливается. Кто видит, что его мнение находит все большую поддержку, тот высказывается прилюдно, забывая об осторожности. Кто видит, что его позиция теряет свою опору

⁴ Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение: Открытие спирали молчания. М., 1996.

ру — поддержку других, — погружается в молчание. Кто открыто, не таясь, на виду у публики декларирует свою точку зрения, тот производит о себе впечатление более сильного человека, чем он есть на самом деле, а другие — промолчавшие — наоборот, кажутся слабее. Возникает оптический или акустический обман, маскирующий действительное большинство или действительную силу; так одни побуждают других говорить или молчать до тех пор, пока одна из позиций не исчезнет. Само понятие спирали молчания содержит в себе смысловой оттенок движения, которое расширяется, распространяется, и с этим ничего нельзя поделать. И чем лучше мы поймем процесс формирования общественного мнения, тем скорее найдем возможность воздействовать на него, противодействовать спирали молчания собственными силами \...\ Спираль молчания завершается либо закрытием темы, когда никто больше не говорит о ней, когда все решено, либо на тему налагается *табу*, например в случае неразрешенного конфликта ценностей. Это означает, что тему нельзя больше обсуждать прилюдно, ее похоронили, предали молчанию. Но можно быть уверенным: под каждым табу скрывается, клокочет вулкан — конфликт, который может снова разразиться⁵.

Исследование Э. Ноэль-Нойман эксплицирует роль СМИ в раскручивании спирали молчания: во-первых, они берут на себя функции «общественности», демонстрируя социально сильные позиции. Во-вторых, они «подсказывают формулировки, выполняют *функцию артикуляции* (оформления) речи, т.к. спираль молчания связана не только с желанием или готовностью открыто, не таясь высказаться, но и с заимствованной у средств массовой информации способностью реализовать это». Наконец, «из средств массовой коммуникации человек получает сообщение — что ему можно говорить и делать, чтобы не оказаться в изоляции»⁶.

Действительно, насаждаемые стереотипы образа жизни декларируются СМИ как единственная возможность («общеизвестно», «все знают, что...», «принято», «в этом сезоне носят», «все с интересом читают», «эксперты выбирают»,

⁵ Там же. С. 342–343.

⁶ Там же. С. 345.

«здравый смысл подсказывает, что...» — и так без конца). Не всякий человек в силах противостоять этому прессингу. Я помню, как однажды в самолете достала глянцевого журнала из кармашка в сидении и прочла: «Приличная женщина должна иметь как минимум двенадцать пар обуви». Должна сознаться, что сначала я все-таки пересчитала по памяти свои актуальные пары обуви, а потом уже сказала себе: «Что за чушь».

В этой ситуации «Образ жизни» выступает как попытка альтернативного отношения к тому, что навязывается как должное и общепринятое. Речь не идет о том, чтобы противопоставить стереотипу СМИ другой стереотип, только от православных разработчиков. Православие, взятое только как быт и ритуал, ничуть не лучше, чем любая другая стратегия лишения свободы и отъема права на жизнь. Задача программы, напротив, состоит в том, чтобы свидетельствовать о нашей свободе в выборе жизненных стратегий, ценностных приоритетов и среды обитания. Каждый может создавать свой образ жизни согласно собственным желаниям и потребностям, мы не обязаны просоответствовать ни одному из налагаемых на нас цивилизацией образцов, мы можем каждый из них подвергнуть сомнению, посмеяться над ним, заглянуть внутрь его упаковки и посмотреть, что там есть. Это тоже практическая философия — испытать разумом то, что мир сей предъявляет нам как данность.

Намерения программы столь же двойственны, как ее название: образ жизни — это и отображение жизни, и *modus vivendi*, способ жить. Увидеть современность как она есть, рассмотреть разные ее аспекты в свете Евангелия, которое вовсе не обязательно цитируется прямо, но является фундаментом авторской позиции, — первая задача. Вторая состоит в том, чтобы способствовать созданию христианского образа жизни как единства в многообразии, когда каждый христианин ответственно, без оглядки на чужой ум и общественные стереотипы, проживает свою жизнь, в основе которой — следование Христу. Правда, что каждый несет ответственность за свою жизнь сам, но мы все нуждаемся во взаимной поддержке, и создание христианского форума помогает каждому, оставаясь самостоятельным, удержаться в своем выборе.

Как говорил Вячеслав Иванов, истина оправдывается, будучи созерцаема в другом⁷.

Наконец, скажу, что христианство само по себе есть образ жизни. Христос говорит: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин 14.6). Церковь как Тело Христово и есть образ истинной жизни, берущей начало от Источника жизни — Бога и раскрывающейся как путь. С другой стороны, притча о страшном суде свидетельствует, что в глазах Божиих ценны не убеждения и верования, а именно поступки. Знаменитое речение Спинозы «Не живите, как я жил, живите, как я учил» в христианском контексте — да и просто по-человечески — весьма сомнительно, если не бессмысленно: если даже ты сам в жизни не следовал своему учению, если плод твоего философского творчества даже тебе самому не мил, значит, в нем и впрямь нет ничего такого, что стоит предлагать другим. К чему беспокоить людей тем, что заведомо им не пригодится? Поэтому построение образа жизни важно для христианина. «Верный в малом и во многом будет верен», если мы сможем в повседневности следовать Евангелию, это будет более эффективным способом свидетельства, чем декларация.

4. Словарь и образ жизни

Однажды в «Образ жизни» пришла Галина Николаевна Складаревская, филолог, специалист по современному русскому языку. Она, в частности, говорила о том, что лингвофизиологические исследования показали, что произнесение и слышание слов «труп, смерть, убийство...» (читатель легко может продолжить сам) повышают артериальное давление и частоту пульса, даже если обследуемому кажется, что он на них не обращает внимания. Напротив, произнесение и слышание слов «любовь, милость, радость, тепло, нежность...»

⁷ Как мне кажется, о плодотворности сотрудничества авторов и аудитории «Образ жизни» может свидетельствовать, например, то, что многие начинают перечитывать классические тексты, о которых шла речь. Так, например, после передачи о молодости с С. А. Липшаевым многие друзья, родственники и знакомые говорили мне, что с удовольствием перечитали «Невесту» Чехова, а заодно и другие его рассказы. Думаю, Антон Павлович остался доволен.

(а вот здесь — продолжи, пожалуйста, дорогой читатель!) оказывают позитивное воздействие на человека, опять же, даже если не относиться к ним пристально. Так что можно забыть о вышеописанных ответственных задачах и святых целях, но быть уверенными, во всяком случае, в том, что позитивный жизнеутверждающий словарь, который избран в программах, о которых я рассказывала, оказывает благотворное влияние на образ жизни.

Профессор Григорий Абрамович Бялый, у кого мне повезло учиться на филологическом факультете ЛГУ уже в последние годы его жизни, рассказывал, как в 1920-е годы он был откомандирован в Кронштадт читать лекцию революционным матросам. Тема была самая подходящая для восставшего пролетариата — раннее творчество Тургенева. После лекции провожает его один морячок, а Бялого разбирает узнать, произвели ли его речи какой-нибудь эффект. Он спрашивает: «Товарищ, все ли Вам было понятно в лекции?» — «Ничего не было понятно, товарищ профессор, но шумок остался».

Даже если предположить, что и от нашей звучащей философии остался лишь шумок, и то дело. Так что, дорогие коллеги, а также все народные философы, разделяющие любовь к этому радостному занятию, будете у нас в Петербурге — милости просим.